

ГЛАВА 1

Ранение было пустяковым. Пуля прошла навывлет через мышцу левого плеча, не задев кость. Досадно, войне конец, а ты тут лежи, копти небо. На календаре 18 мая 1945 года, десятый день мирной жизни. Военно-полевой госпиталь располагался за северными предместьями Праги, вблизи опрятной деревушки с ласковым названием Неженка. Сюда свозили всех подряд — гражданских, офицеров, рядовой состав. Это было одноэтажное здание барачного типа с подсобными постройками. Вокруг росли липы, декоративная калина. За окном палаты — зевающие красноармейцы гвардейского корпуса, несущие службу по охране госпиталя, полуторка с красным крестом, пятнистый «ГАЗ-М1» главврача Тетерина. Пустая беседка, из которой медсестры и санитарки гоняют курильщиков. Павел третий день изнемогал от безделья, украдкой курил в открытое окно, прислушивался к разговорам товарищей по несчастью. Рука работала, пусть с болью, со слезами, но работала. Опасности ранение не представляло, операция — не бей лежачего, но пуля оказалась

какой-то зловредной — порвала ткани, и первые два дня он не мог найти себе места. Анальгетики лишь временно снимали мучения. А потом вдруг полегчало, болезненные ощущения притупились. Возникла мысль: что он тут делает? К товарищам, в группу! Эти неумехи дров же наломают без него! Три дня назад он выловил в больничном переходе измотанного главврача Тетерина — подслеповатого худощавого майора с моргающими глазами — и потребовал немедленной выписки.

— Товарищ больной, вы соображаете, что говорите? — воскликнул Тетерин. — Какая выписка?! Как минимум неделю на нашей койке, ничем другим порадовать не могу. Рана должна зажить. Мы не имеем права выписывать людей до полного излечения.

— Поймите, доктор, — упорствовал Павел, — мне надо в часть, меня там ждут, я не могу без дела отлеживаться в вашем «санатории»!

— Неужели, больной? — язвительно оскалился главврач. — Вы не в курсе, что война уже закончилась? Я не имею права вас выписывать, если вы снова собираетесь в строй! Вот если на «гражданку» — тогда другое дело. И вообще хватит митинговать! — отрезал доктор. — Идите на место, скоро придет медсестра Ларочка и сделает вам укол.

Не хотел он медсестру Ларочку. Она была нескладной, некрасивой и обладала нулевым обаянием. Другое дело, медсестра Танечка — боль-

шеглазая, миловидная, с длинными волнистыми волосами. Но последняя редко заходила в палату к пациентам «средней тяжести», работала с «тяжелыми» и на подтянутого капитана даже не смотрела. Он продолжал возмущаться, распаляясь все больше:

— Да вы знаете, кто я такой? Капитан Верест Павел Сергеевич, сотрудник Главного управления контрразведки Наркомата обороны, руководитель специальной группы отдела Смерш ударной армии! Я требую немедленной выписки, иначе покину это заведение самовольно!

Доктор немного побледнел, но позиции не сдавал.

— Знаете, милейший, — устало вздохнул он, — мне глубоко безразлично, кто вы такой — Смерш, НКГБ, генерал армии, хоть генералиссимус Суворов. Пока вы находитесь на лечении, вы — никто, зарубите себе на носу. Здесь я командую. А вы извольте подчиняться. Всего хорошего, больной!

Павел продолжал ворчать под нос, возвращаясь в койку. Совсем страх потеряли — в грош не ставят контрразведку. Как назло, разболелась рука. Он лежал, свернувшись под одеялом, пыхтел от злости, как паровоз на холостом ходу. Нескладная медсестра гремела инструментом, делала кому-то перевязку. Ее постное личико только раздражало. С улицы неслись гневные выкрики Вероники Аскольдовны — капитана медицинской службы, обладающей несносным характером:

— Когда же это кончится, граждане больные? Снова в беседке накурено и матом наругано! Вам невдомек, что курение убивает — пусть медленно, но неотвратно? Не приходит в голову, что среди больных есть некурящие и им не очень нравится дышать вашими выделениями?!

Павел усмехался под одеялом. Некурящих в победоносной Красной армии практически не осталось. Курили самосад, махорку, редкие отечественные папиросы, вонючий немецкий табак с переизбытком отравляющих смол — гарантированное средство от старости. Курила сама Вероника Аскольдовна, фамилии которой никто не знал. Всякий раз, ампутировав кому-то руку или ногу, она сидела в своей камере, кашляла в зловонном дыму и прикладывалась к флакону с медицинским спиртом.

Рука ныла, как последняя сволочь. Боль вытягивала душу. Иногда она отступала, давала передышку, потом опять переходила в наступление. Вдобавок рука на перевязи не держалась — постоянно выпутывалась.

В госпитале гвардейского корпуса, дислоцированного к северу от Праги, было сравнительно тихо. Пациенты не отличались буйным нравом. На другом конце барака кто-то стонал, просил пить. Там сновали люди в белом (отнюдь не ангелы), кого-то вытаскивали на носилках. Соседи, ефрейтор Бульба и рядовой Кондратьев, украдкой резались в карты. Оба поступили неделю назад

с осколочными ранениями мягких тканей. Пострадали от одной гранаты — зачищали в составе роты поселок на краю Праги, какой-то «непримиримый» юнец и бросил со второго этажа смертоносный сюрприз. Вместо того чтобы упасть, оба рванули, как ошпаренные. А потом «добрые доктора», украдкой посмеиваясь, извлекали из задних мест небольшие, но острые осколки. Они постоянно ругались, очевидно, вели доброе знакомство еще до госпиталя. «Какого черта ты рванул от этой гранаты? — шипел Кондратьев на Бульбу. — Тьма ты необученная, падать надо было, осколки бы поверху и разлетелись». — «А що ж ти не падав, раз такой розумний? — отбивался от товарища Бульба. — Міг би не бігти за мною». — «Так ты меня с толку сбил, — объяснял Кондратьев. — Ты побежал — и я побежал. А теперь стыдоба будет перед парнями, когда в роту вернемся. Хоть не приходи — опарафинят по полной программе!»

Над ними даже здесь посмеивались: мол, убеждали товарищей своими задницами. Пострадавшие крысились на обидчиков, не забывая и меж собой выяснять отношения. Сейчас опять грызлись — не поделили последнюю сигарету. «Петро, оставишь покурить? — упрасивал Кондратьев. — Ну, будь человеком, мы же с тобой в одном окопе выросли. Отдам завтра — мамой клянусь! Скотина же ты, Петро! Ну, ладно, придет война, попросишь каску...» — «Ага, я сьогодні сволочь», — злорадно скалился Бульба.

Впрочем, после обеда он подобрел. Кормили в госпитале на убой, съел две порции борща и, держась за живот, стал стонать, что теперь понимает значение слова «переборщить». Оба, хватаясь за спинки кроватей, уволоклись на свежий воздух. Отсутствовали долго, а когда вернулись, как-то воровато озирались, обменивались заговорщическими взглядами. Кондратьев поддерживал под исподним что-то выпуклое. И где, спрашивается, достали? Они лежали на кроватях, перешептывались, и Павел прекрасно все слышал.

— Слышь, Петро, мы же охренеем от этого литра, — бурчал Кондратьев. — Пойло «паленое», дурить будем. Нам третий нужен, понимаешь, дубина хохляцкая? Давай предложим парню, ну, который рядом дрыхнет? Посидим втроем — культурно, за жизнь пощечем.

— Та ну його! — испуганно шептал Бульба. — Самі подумаємо, чого тут пити? Цей хлопець ніби офіцер, а Ларка навіть казала, що з самого Смершу... Не буде лихо, Серьога, подалі від них треба триматися, як би не вийшло чого...

— Да не бойся ты, чего жадничаешь? Не съест тебя этот офицерик... Эй, приятель! — Кондратьев потянулся, осторожно коснулся плеча. — Ты спишь, или как?

— Ага, сплю, — повернувшись, открыл глаза Павел.

— С пробуждением, товарищ, — дружелюбно подмигнул ему Кондратьев. — Слушай, у нас тут

литр чешской горилки образовался, у мужика, что воду возит, обменяли на кое-что... Ты как, товарищ? Не откажешься от завтрашнего легкого похмелья?

— Не откажусь, — подумав, согласился Павел. — Но вынужден предупредить, товарищи красноармейцы, — похмелье будет трудным и зловредным. Не имеют чехи должных навыков в изготовлении самогона. Ваше пойло суровее денатурата.

— Но мы ведь не пасуем перед трудностями? — хмыкнул Кондратьев.

— Да, мы привыкли преодолевать трудности, — согласился Верест. — Встречаемся после отбоя, товарищи бойцы. А пока займитесь бытовой стороной вопроса: посуда, закуска, прикрытие...

Он упорно пытался уснуть. Кондратьев из Пензы и Бульба из Запорожья тоже вскоре утомились. В отсеке стало тихо. За пределами палаты снова кто-то стонал, звал на помощь. Ругались санитары — тоже не образцы трезвости. Доносилась отдаленная канонада, а может, это слуховая галлюцинация? Бои ведь закончились. 8 мая пал Берлин, 12-го — Прага. Случались локальные стычки, периодически на запад прорывались «бродячие» немецкие колонны. Отдельным это удавалось, других уничтожали артиллерийским и пулеметным огнем. Пленение западными союзниками военнослужащих вермахта (а тем более

ваффен СС) ценилось больше, чем пленение частями Красной армии. Последнюю они боялись как огня. Госпиталь находился в тылу дивизии, в стороне от основных дорог, и с двух сторон подпирался лесом.

Сон как отрезало — ноющая боль в конечности не давала уснуть. Второе ранение за войну — под Днепром в 44-м досталось крепко, когда маленькая группа оперативников, шныряющая по черничному бору, вступила в перестрелку с немецкими парашютистами. Выжили все, даже уничтожили четверых, но всем составом надолго переселились в лазарет. Хорошо поддавший хирург с «золотыми» руками резал вдоль и поперек, извлекая из бока минный осколок, цокал языком: ого, счастливчик, везет же некоторым! Еще немного — и печень бравого офицера превратилась бы в ливерную начинку! Текущее ранение, по сравнению с тем, было просто отпуском. Но как бесило! Дожить до дня победы и загреметь на больничную койку! Незадолго до ужина он, приняв неустойчивую вертикаль, выбрался на улицу. Погулял под зеленеющими деревьями, привел в порядок мысли. Побег из госпиталя представлялся сложным мероприятием. Собственное обмундирование — в запертой каптерке у старшины Сидоренко. Документы — у главврача. Чтобы все это вернуть, нужно быть удачливым вором либо безжалостным убийцей. Да и где сейчас его часть? Блуждать по южной Германии и северной Чехии,

чтобы угодить к своим коллегам, которые немедленно отправят его в лагерь для проверки? А что такое фильтрационный лагерь, он знал как никто другой...

Павел курил, стоя на углу. Санитары-астеники выносили тело, укрытое с головой. Спустилась медсестра Татьяна, грустно смотрела, как покойника грузят в крытый прицеп к «полutorке». Он подошел поближе, забыв про зажженную сигарету. Симпатичная девушка вышла из оцепенения, растерянно уставилась на офицера в больничной пижаме. Перевела взгляд на дымящуюся сигарету.

— Я знаю, Танюша, — вздохнул Павел, — это курение меня когда-нибудь убьет. Но смерть произойдет не скоро. От чего он? — кивнул он на отъезжающую машину. По договоренности с местными властями, под кладбище отвели участок леса в двух минутах езды от госпиталя. Везти тела на родину было нереально, хоронили здесь же, в далекой Чехословакии, о существовании которой многие погибшие в недалеком прошлом даже не подозревали.

— Курите, что с вас взять! — передернула плечами девушка и вяло улыбнулась: — Если вам так легче — какая польза от этих запретов? Капитан Максимов, командир роты связи... — пробормотала она, провожая глазами уходящий «катафалк». — Тянули провода с солдатами, попали в засаду, были обстреляны из минометов...

Несколько человек выжили, вызвали помощь. У капитана вся левая половина была в месиво. Его не сразу нашли, видно, пришел в себя, полз, оказался в болоте, обнаружили чисто случайно... Раны уже загноились. Вероника Аскольдовна ему руку ампутировала, левую ногу ниже колена, сразу сказала, что не жилец. Такое сильное заражение — сепсис перешел в гангрену, мы не могли ничего сделать... Он перед смертью говорил, что планировал еще пожить...

— Для капитана Максимова уже началась вечность... — как-то невпопад буркнул Павел. — Давайте посидим, Танюша? Вы замужем?

— Ну, иногда... — Она поколебалась, глянула на часы, смерила его каким-то стеснительным взглядом.

Они сидели на лавочке в глубине больничного сада, болтали о какой-то чепухе.

— Правду ли люди говорят, что вы служите в Смерше? На вид не похож, такое открытое, доброе лицо... — спросила Таня.

— Что вы, Танюша, это ведь не трехглавый Горыныч, всего лишь контрразведка армейского уровня, поиск и уничтожение диверсантов, беглых главарей Третьего рейха. Вы же не спорите, что и тех, и других надо ловить? Первых уничтожать, вторых — задерживать для дальнейшей передачи суровому, но справедливому суду. А вообще я — человек сугубо штатский, до войны учился на инженера. Вот закончится война, расформируют

армию, думаете, пропаду? Да кем угодно — хоть слесарем пятого разряда, хоть руководителем крупного металлургического предприятия...

Девушка смеялась, смотрела на него с интересом, как-то непроизвольно придвинулась ближе. Потом спохватилась, глянула на часы и, сделав большие глаза, воскликнула:

— Господи, Павел, вы мне все уши заболтали! Это вам хорошо, а мне работать...

— Давайте встретимся позднее, после ужина, — «схватил быка за рога» Павел. — Посидим на этой лавочке, посмотрим на звезды, я расскажу вам про картины Дюрера и Ганса Гольбейна, которые видел собственными глазами. А если будет холодно, мы можем посидеть вон там... — Он покосился на открытую дверь подсобки, где хранился хозяйственный инвентарь. «Займемся какими-нибудь милыми глупостями», — уже срывалось с языка, но не сорвалось.

— Какой вы быстрый... — Татьяна облизнула пересохшие губы, очень привлекательно сдула со лба непослушный завиток. Потом засмеялась: — Хорошо, Павел, приходите в девять вечера, я постараюсь освободиться и подумаю, стоит ли сюда приходиться...

Она убежала, одарив его улыбкой. А он сидел в оцепенении, потом еще покурил.

После ужина, когда стемнело, вернулся на то же место, ждал, таращась на звезды. Госпиталь шумел, за углом надрывался двигатель. Кого-то